

ПО ТУ СТОРОНУ ОБРАЗОВ

23.06.2003 *Evgenia Moreva*

Композиторы, как правило, неважные исполнители собственной музыки. Но есть исключения – они хорошо известны и являются образцами для исполнителей. Ференц Лист, Антон Рубинштейн, Сергей Рахманинов — музыка колоссальной сложности и виртуозности в исполнении авторов — эталон для современных пианистов. Ставя перед собой сложнейшие исполнительские задачи, они не только совершенствовали собственное мастерство. Выходя за пределы возможного, уже испробованного, может быть, они выходили за пределы реального бытия. Недаром Лист свои двенадцать сложнейших этюдов назвал трансцендентными. Конечно, тогда и сейчас этими произведениями могли овладеть далеко не все. Но суть в том, что, выходя, кажется, за пределы человеческих возможностей, Лист обретал то, чего нет здесь. О его двенадцати трансцендентных этюдах и пойдет речь.

Это программа концерта одного из последних дней весны в филармонии. Молодой пианист Дмитрий Суховиенко – наш земляк, уже несколько лет живущий в Швейцарии. Когда он еще учился в консерватории у В.Воробьева и жил в Киеве, я следила за его афишами. Теперь он приезжает на родину в среднем раз в два – два с половиной года.

Концертная программа, небольшая по объему (по количеству нот), рассчитана на одно часовое отделение. Но усилий от пианиста требует не меньше, чем исполнение нескольких больших фортепьянных концертов подряд. Это даже не сложно — на пределе возможного. И здесь начинается самое интересное. Я уже говорила, что исполнитель может вывести из реального и ввести в особое (музыкальное) бытие, но не каждый...

Казалось бы, музыка знакомая, да, сложная, но не новая (в смысле каких-то особых звучаний). Каждый уважающий себя пианист обязательно имеет в своем репертуаре один или несколько этюдов. А наш слух и восприятие настроены на сложившийся стереотип. Трансцендентные этюды — это блестящая, эффектная музыка в первую, вторую и последнюю очередь. Но так мы к этому привыкли, что не замечаем: от пианиста больше ничего не ждем. И пианисты помнят только об этой блестящей форме, а о более важном — нет. Но игра Дмитрия все эти стереотипы, навязанные нашими привычками, задвинула на периферию сознания и восприятия. Теперь, как после сна, я понимаю: то, к чему мы привыкли, не существует. По правде говоря, оно и не должно существовать. Такой музыки я никогда не слышала, хотя прекрасно знаю эти этюды. И я поняла: это и был тот самый «выход за» или «вход в». Еще поняла: Лист назвал свои этюды трансцендентными не только потому, что они повышенной технической сложности, но главным образом потому, что это трансценденция бытия и сознания.

Композитор провел в странствиях большую часть своей жизни, скитался в молодости по странам и городам, не зная, что такое тихое пристанище и спокойствие вообще. Но ведь в чем-то он должен был искать и находить это? В своем воображении, объёме музыки, в своем пианистическом мастерстве, равного которому не было в Европе. Это особенное романтическое бытие, связанное с реальным только ассоциациями. «Дикая охота», «Мазепа», «Блуждающие огни», «Метель» — это даже не образы, как мы привыкли себе представлять, это аллюзии, впечатления, настроения, не складывающиеся в картину, на которую можно взглянуть, потому что они за пределами. Такую музыку я услышала всем своим существом. Я подозреваю, что Дима поставил перед собой именно эту задачу — вывести слушателей за пределы самих себя. До начала концерта, активно обсуждаемого пианистами, говорили, что играет он этюды своеобразно. Но ведь это не объяснение. Он играет их трансцендентно. Он открыл их сущность. Я поняла, что падает пыльная завеса наших стереотипов, в плену которых мы находимся в обыденной своей жизни, но от которых нужно время от времени избавляться.